Башкирские народные сказки

Падчерица

Во времена давно прошедшие была одна злая-презлая женщина. У нее жили две девушки: одна — родная дочь, другая — падчерица. Падчерицу звали Гульбика. Мачеха заставляла Гульбику работать день и ночь: прясть нитки, теребить шерсть, стирать белье. Сколько бы Гульбика ни работала, она не могла угодить мачехе. Однажды ей не понравились нитки, которые спряла Гульбика. Мачеха рассердилась и выбросила клубок. Гульбика горько заплакала и стала искать клубок. Долго она искала, но нигде его не было, и она пошла искать его на дороге.
У всех встречных она спрашивала:
— Укатился мой кругленький клубочек, не видали ли вы его?
— Вон в ту сторону какой-то клубок катился — твой, наверно, и был,— отвечали ей люди.
Девушка пошла дальше, и вот она повстречалась с пастухом, который пас коров.
— Укатился мой кругленький клубочек, не видал ли ты его?— спросила она у пастуха.
— Видал, дочка. Недавно покатился вон туда — наверно, твой и был,— ответил пастух.
Гульбика пошла дальше и повстречалась с пастухом, который пас коней.
Расспросила она его. Дал он такой же ответ, как и прежние.
Горько плача и причитая, шла дальше Гульбика.
— Кругленький мой клубочек, куда же ты делся? Скоро ли я найду тебя? Если не найду, как же я вернусь домой? Мачеха моя будет ругать и бить меня.
Шла и шла Гульбика, а клубочка все не было. Она шла по степи, затем по берегу реки. Прошла через страшные овраги и леса.
Наконец настал вечер. Стало темно. Никого не было кругом. Только страшный вой зверей был слышен в лесу.
Вдруг Гульбика увидела впереди огонек. Он чуть мерцал вдали. Девушке, пока шла она на этот огонек, пришлось еще пройти через глубокие овраги и густые заросли. Приблизилась она к огоньку и увидела маленькую избушку. Заглянула в окошко, а там сидит старуха и прядет шерсть. Девушка робко вошла в избу.
— Здравствуйте, бабушка!— поздоровалась она со старухой.
— Здравствуй, дочка! Зачем ты сюда пришла?— спросила старуха.
— У меня, бабушка, укатился кругленький клубочек. Пошла я его искать и вот забрела сюда. Если я не найду клубка, то мачеха не впустит меня в дом,— ответила девушка.
— Ладно, доченька, не тужи понапрасну,— утешила ее старуха.— Поживи у меня несколько дней, а там — и домой.
— А что я у тебя буду сделать?— спросила девушка.
— Поухаживаешь за мной, за старым человеком, будешь варить мне обед,— ответила старуха.
— Ладно, бабушка,— согласилась девушка и осталась жить у старухи.
Наутро старуха ей сказала:
— Доченька, в амбаре есть пшено. Ты потолки его в муку и затей-ка назавтра блины.
— А как затеять, бабушка?— спросила девушка.
— Как затеешь, так и ладно. Налей воды, всыпь муки и взболтай,— сказала старуха.
Девушка истолкла пшено мелко-мелко, затеяла, тесто очень хорошо.
— Бабушка, а как испечь блины?— спросила девушка.
— Как испечешь, так и ладно: пусть подгорают да коробятся, пусть коробятся да подгорают,— ответила старуха.
Гульбика испекла пышные блины, намазала их маслом и угостила старуху.
На другой день старуха сказала девушке: —Доченька, я хочу помыться, надо бы баньку истопить.
— А как ее истопить, бабушка?— спросила девушка.
— Как истопишь, так и ладно: наложи в печку дров да подожги,— ответила старуха.

Девушка хорошенько истопила баню и вовремя закрыла трубу.
— Бабушка, баня готова, как тебя довести туда?— спросила девушка.
— Держи за руку да толкай в шею,— ответила старуха.
Девушка осторожно подняла старуху с места, взяла под руку, тихо и осторожно довела до бани.
— А как тебя попарить, бабушка?— спросила гульбика.
— Колоти до колоти меня ручкой веника,— ответила старуха.
Гульбика попарила ее не ручкой веника, а его душистыми листьями, хорошенько вымыла ее и отвела в избу.
— Ну, доченька, уж как-нибудь напои меня чаем, а потом пойдешь домой,— сказала старуха.
Гульбика накормила ее досыта и напоила сладким чаем.
— Ну, бабушка, я теперь пойду домой,— сказала девушка после этого.
— Ладно, доченька, иди, только прежде поднимись на чердак. Там есть один зеленый сундучок. Ты возьми его себе и не открывай, пока не войдешь к себе в дом,— сказала старуха.
Девушка распрощалась с нею, взяла сундучок и, радуясь подарку, пошла домой. Когда она стала подходить ко двору, из подворотни выбежала их маленькая собачонка и затявкала:
— Тяв, тяв, тяв, тетенька шла умирать, а назад идет живой и богатой!
Гульбика удивилась словам собачонки и крикнула:
— Уходи прочь, не говори так!— а сама приласкала ее.
Собачонка не послушалась и продолжала тявкать:
— Тяв, тяв, тяв, тетенька шла умирать, а назад идет живой и богатой!
Мачеха услышала тявканье собаки и увидела, что падчерица вернулась домой. От зависти и злости она чуть не лопнула.
Гульбика вошла в дом, открыла сундучок и глазам своим не поверила: весь он был полон золота и серебра.
Увидела это мачеха и решила: «Пусть и моя дочь разбогатеет так же, как и Гульбика».
Мать взяла клубок своей родной дочери и выбросила его за дверь. Клубок укатился. Ее дочь стала искать свой клубок, но не нашла. Тогда она, хоть и боязно ей было, вышла в поле и пошла по дороге. Ей так же как и подчерице, попадались навстречу пастухи, и она у каждого спрашивала:
— Укатился мой кругленький клубочек, не видали ли вы его?
Ей отвечали:
— Видели, видели, вон в ту сторону он катился. Шла девушка, шла и дошла до той же старухи. И девушка также осталась у нее жить. Как-то старуха сказала ей:
— Доченька, ты бы мне блинов испекла.
— А как их, бабушка, испечь?— спросила девушка.
— Как испечешь, так и ладно: пусть подгорают и коробятся, пусть коробятся да подгорают,— сказала старуха.
Девушка так и испекла. Блины все подгорели и покоробились.
На другой день старуха попросила:
— Доченька, я хочу помыться, надо бы баню истопить.
— А как ее истопить?— спросила девушка.
— Как истопишь, так и ладно: наложи в печку соломы до подожги, а как она вся сгорит, подбавь еще,— сказала старуха.
Девушка затопила баню соломой, а не дровами. Не дождавшись того, когда уйдет дым и угар, она закрыла ее.
Затем он вошла в избу, чтобы повести старуху в баню, и сказала:
— Бабушка, баня готова, как тебя туда повести?

— Да уж ладно, возьми за руку да толкни в шею,— сказала старуха.
Девушка так и сделала.
— Бабушка, как тебя попарить?— спросила она в бане.
— Как попаришь, так и ладно. Возьми до поколоти мне спину ручкой веника,— сказала старуха.
Девушка так и сделала. Потом она как вела в баню, так и домой повела старуху: она держала ее за руку и толкала в шею.
Когда они вернулись домой, старуха сказала:
— Я, доченька, после бани пить захотела. Ты уж напои меня чаем, а потом пойдешь домой.
Девушка кое—как напоила старуху чаем. После этого она сказала:
— Бабушка, не пора ли уж мне домой пойти?
— Иди, доченька, только не с пустыми руками. На чердаке есть один желтый сундучок, ты возьми его себе. Только не открывай его, пока не войдешь к себе адом,— сказала старуха.
Девушка взяла желтый сундучок и пошла домой. Когда она стала подходить ко двору, собачонка увидела ее, выбежала из подворотни и затявкала:
— Тяв, тяв, тяв, тетенька шла, чтобы разбогатеть, а идет ни с чем!
Мачеха услышала тявканье собаки, очень рассердилась на нее и даже поколотила.
Девушка вошла в дом, сломала замок на своем сундучке и открыла его.
И что же они увидели? Весь он был полон змеями да лягушками. Змеи с шипеньем выползли из сундучка и стали их жалить. Мачеха стала кричать, но никто на помощь не являлся. Собачонка не только не забыла обиды за полученные побои, а еще злорадствовала и приговаривала;
— Ты меня поколотила, Гульбику обижала, так пусть тебя змеи жалят!
Она стала защищать только Гульбику, которая пожалела и приласкала ее, когда ее колотила мачеха.
Собачонка всех змей, которые подползали к падчерице, хватала и разрывала на части.
Мачеха и дочь ее умерли от змеиного яда, а Гульбика с собачонкой остались живы и навсегда забыли о мачехе.